

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Меланхолия Графа Эрлонда. Часть первая

За окном всегда хмуро. Штальц — город вечных дождей и холодной безлунной ночи. Днём — небо серое от копоти заводов и выхлопов машин, с заходом солнца — темное от разбитых фонарей. Здесь не осталось тех, кто горазд их чинить, зато — развелись те, кому выгодно, чтоб они оставались разбитыми.

Эрлонд стоял у широкого окна с бокалом красного вина и смотрел на небо, затянутое тучами. Длинные пряди густых волос цвета воронового крыла скрывали его тоскующую полуулубыку, полуприкрытый скучающий взгляд серых глаз. В простой белой ночной рубахе, облегающей тощее, словно узника лепразория, тело, и в лёгких тёмных брюках, он стоял, оперевшись свободной рукой на подоконник и пил зелье, что лечит душу, иссушая плоть.

Улыбался.

Глоток за глотком, обжигающее снадобье прожигало всё его нутро, приятно дурманя рассудок, бросая бледное, почти бескровное лицо, в болезненно-желтушную краску.

Город по ту сторону стекла прогнил. Чёрные пики островерхих башен, прохудившиеся от вечного проливного дождя крыши, спёртый от копоти и новомодных автомобилей воздух — всё это лишь угнетало горожан, делало их ещё более злыми, чем материнские утробы, исторгшие их на свет божий.

Где-то вдалеке слышался детский первородный крик — очередной младенец ушёл к Харону в вечное плавание по водам Стиksa. К утру в соседнем квартале найдут обглоданные кости — крысы уже настолько привыкли к этому ритуалу, что собираются полчищами у канализации в предвкушении скорого ужина.

Думая об этом, Эрлонд ухмыльнулся и покачал головой, медленно отставил опустевший сосуд на подоконник. Вздохнул отрадно — по крайней мере этой ночью скучать не придётся.

Пройдя вглубь помещения, он взял со стола подсвечник о трёх свечах и огниво, а после — озарив помещение слабым мерцающим светом — медленными шагами направился вдоль тусклого коридора своего одинокого особняка, чья дурная слава уже давно гремит на весь город.

Власти и хотели бы что-то поделать с его хозяином, но в городе, где курс серебра души неизмеримо меньше звонкой монеты, это бесполезно. Бессмысленно и нелепо противостоять тому, кто тебя кормит, кто тебя любит и заботится. bestweapon A Эрлонд любил свой народ. Ему нравился Штальц именно таким, какой он есть сейчас — серый, холодный, постылый — но родной, знакомый, свой. Денег в казне хватало, чтобы жители города разделяли мнение графа и в полной мере поддерживали его, соглашались с ним.

Медленно скрипнула дверь в конце коридора — граф не желал торопиться: некуда, да и незачем.

Прикрыв её за собой, заперев её, он вошёл в тёмную спальню, чьи окна были всегда забиты, и даже днём здесь царил кромешный мрак.

После просторной залы и свежего осеннего дождя в нос резко ударил запах пота, смешанный с благовониями и пеплом любимой трубки — самый лучший запах для усыпальницы.

Огни свечей слабо мерцали, не освещая — но погружая комнату в ещё больший мрак, отбрасывали на стены ползущую тень, очерчивали лик графа — его вытянутое, бледное, почти бескровное лицо. Впалые скулы, совсем мелкие глаза под навесом выступающих

оголёных надбровных дуг, выпирающий волевой подбородок — и длинные, невозможноДлинные прямые тёмные волосы, что омывают тело волнами густой бесконечной черноты.

В свете горящих свеч это лицо казалось особенно мрачным, едко-прекрасным, отталкивающим — и от того влекущим, манящим. Он любил себя, был доволен собой и своей жизнью — и упивался каждым моментом собственной, столь близкой сердцу тоски.

Отставив подсвечник на небольшой стол, граф прошёл к дальнему углу комнаты, где размещалось просторное крепко сколоченное ложе, со стороны которого ощущался характерный аромат страха и забвения, подступающего безумия. Слышался сдавленный стон, в два юных голоса. Его гости всё никак не могли уснуть, чем очень печалили графа.

Посмотрев на дрожащую простыню, под которой прослеживались человеческие очертания, мужчина подошёл к постели и резким жестом сорвал покров, широко улыбаясь: ничто не забавляло его больше вида собственных гостей, которым он так любил оказывать свой, особый приём.

На столе, что служил графу ложем для утех, скованные по рукам и ногам, лежали двое, парень и девушка, брат и сестра, чьи черты едва прослеживались под покровом тьмы, озарённым тусклым мерцанием свечей. Руки — отведены за спину так, чтобы ладони близнецов соприкасались. Брат крепко сжал руку сестры и та, как могла, и будучи так же скованная в движениях, его успокаивала, сама дрожа от страха и непонимания. Лиц не видно — стянуты мешками с небольшими сетчатыми прорезями, чтоб не задохнулись. Совсем тощие, нежная кожа — от запястий до предплечий. Оголённый торс, вжатые животы с проступающими рёбрами, узкая талия — и такие же ровные, стройные разведенны ноги — в этом пленники мало отличались друг от друга.

Разве что девушка была выше, и формы её были чуть более округлые. Сформировавшая грудь, которой впору кормить своих детей — доживи она до них — и кожа, столь светлая, что даже сейчас будто мерцала во тьме. Грудная клетка слабо вздыхается — и медленно опускается, содрогается. Тело — ворочается, дрожит.

Напрягла стопы, опоясанные кандалами, вытянула их, всё ещё тщетно пытаясь вырваться. Старается согнуть ноги в коленях, свести — тщетно, разведены и прикованы крепко.

Граф наблюдает за ней, усмехается. Медленно опустил ладонь на живот, от чего девушка вздрогнула, попыталась вжаться в твёрдую металлическую поверхность под ней. Как могла напрягла пресс, замерла, затаила дыхание.

Плавное, обжигающее касание — вниз, к талии, чертя лёгкую линию острым ногтем, оставляя по себе едва заметный белый след.

Жертва задёргалась в попытках избежать чужих рук, из-под маски послышался сдавленный всхлип — музыка, самая лучшая музыка для слуха тирана.

Самый большой страх — страх неизвестности, смешанный с гнетущим осознанием скорой кончины. Безумие начинается там, где чувство смерти нагнетается длительным ожиданием и знанием неизбежности. Девушке, чье имя едва ли вспомнят к утру, хотелось рыдать, молить о пощаде — она была готова пойти на что угодно, лишь бы этот кошмар, столь внезапно свалившийся на её семью, прекратился. И лишь осознание того, что рядом с ней сейчас лежит любимый младший брат, тепло чьей ладони она всё ещё чувствует, не позволяло ей сломаться, заставляло её держаться до последнего, держаться изо всех сил, как бы больно, как бы невыносимо страшно ей ни было.

Её стопы резко выпрямились, выгнула спину, ощущив лёгкий шлепок между ног. И ещё один, срывающий с губ сдавленный стон.

Он — держит ладонь там, совсем чуть-чуть толкнул, неспешно гладит, сдавив пальцами чуть выше створок.

Стыдно от невольно нарастающего тепла — тело чувствует близость плоти, уже готовится. В душе — холодно, внутри — жарко. Завертела головой, стиснула промокшую от слюны ткань, что служила кляпом, тихо замычала — животное, самое обычное загнанное животное, жалкая сломленная тварь.

Графу нравилось слышать её низкий, утробный плач. Симфония ужаса, сотканная нотками отчаянья, утраты всякой надежды на лучшее. Его жертва понимала, что едва ли доживёт до рассвета. Или — того хуже — её оставят в живых.

Свободной рукой коснулся соска — кончиком ногтя уколол, нажал, медленно втискивая вовнутрь — и резко отпустил, с силой сжал грудь, а после — буквально в тот же миг — стиснул эту же руку в кулак и ударил наотмашь в безвольно лежащую голову, больно впился ногтями, оставляя след от плеча к животу, мерно заполняющейся алой краской свежей царапины.

Девушка выгнулась, вжала руки и ноги в ложе под ней, затряслась, взмыла от боли, застонала, уже не в силах сдержать напряжения, что вылилось в истерику.

Эрлонд картинно провёл кончиком языка вдоль слегка окровавленных ногтей, вылизывая их. Издал короткий довольный смешок, слушая пение своей жертвы. Снова криво усмехнулся, одобрительно похлопал по набухшему лону, чем снова заставил её дрожать.

Всё ещё пытается свести ноги. Узкие, длинные стопы. Пальцы сжаты, как кошачьи когти — так плотно, что на коже прослеживаются рубцы. Сжимаются, разжимаются. Снова резко выпрямила. Тощие голени, грубая, налившаяся холодом и напряжением от сжатых мышц кожа. Бёдра получше будут — упругие, крепкие, худощавые, но сочные — достаточно сочные, чтобы играть с ними.

Ёрзает, водит телом, будто манит, даром, что пытается скрыться, вырваться из оков.

В полумраке видны лишь общие черты — но даже их достаточно, чтоб граф, чьи очи уже давно привыкли к царящей в мире тьме — мог наслаждаться этим сладким зрелищем гниения, смерти души во всё ещё цепляющемся за жизнь и остатки разума теле.

Ничего, скоро это пройдёт, скоро она признает, что является самым обычным животным, не лучше дворовой шавки, и — подобно всё той же шавке — будет лишь рада приказам своего хозяина.

Снова одобрительно шлёпнул её по створкам лона, заставляя дрожать, стиснуть руку брата, что было сил вжаться в холодную поверхность под ней.

После мужчина перевёл взгляд на парня, что лежал подле, оставляя девушку наедине с её страхами. Та всё ещё дрожала, тихо плакала, издавая короткие, почти животные всхлипы. Сухое, тощее — и такое нежное тело. Маленькая, аккуратная грудь. Проступающие следы рёбер под кожей — столь тонкой, как ткань, и столь же мягкой, бархатной, тёплой от быстрой крови, тёплой от жгучего страха.

Смотря на юношу, Эрлонд снова испустил вздох наслаждения и приятной, волнующей тоски. Мягко коснулся кончиками пальцев голени парня, очертив линию к бёдрам — и дальше, к лобку, а после — опустился, обдавая робкое юное тело горячим дыханием.

Пленник напрягся, вытянулся, выгибая спину Крепче сжал ладонь сестры. Из уст вырвался сдавленный, приглушенный кляпом стон.